

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ¹

Ефременко Д. В., д.полит.н.

зав. отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН

E-mail: efdv@mail.ru

Обсуждение круга проблем взаимосвязи науки, техники и политики на протяжении нескольких десятилетий входит в число привилегированных тем публичного дискурса в индустриально развитых странах. Однако в нашей стране, после относительно активных дискуссий сер. 1980-х годов, эта тематика надолго выпала из поля зрения как гражданского общества, так и власти. И только в последние годы вопросы взаимосвязи науки, техники и политики вновь начинают привлекать к себе внимание как специалистов, так и заинтересованных представителей общественности. Следует подчеркнуть, что этот круг проблем не полностью совпадает с тем, что принято называть научно-технической политикой, т. е. разработкой обществом и государственными институтами стратегии научно-технического развития, выражающейся главным образом в принятии решений относительно финансирования, организации и управления научно-технической сферой. Как минимум мы можем говорить и об обратном влиянии науки и техники на политику. Возможно, что мы имеем достаточно оснований говорить о науке и технике не как о факторах, но как об акторах политического процесса.

Поскольку здесь уже возникает пространство для дискуссии, имеет смысл остановиться на содержании понятия наука. Дефиниций существует много, но все же чаще всего науку характеризуют как институционализированную деятельность, направленную на получение достоверного знания о природе и обществе. Исторически такая наука появляется в Европе XVII в., во времена Галилея, Бэкона и Декарта. Интересно, что с тех пор начинает наблюдаться достаточно четкая корреляция: каждое удвоение численности населения сопровождается утроением количества ученых. Это обстоятельство имеет фундаментальное значение, и любой анализ науки и ее воздействия на все другие социальные подсистемы включая

¹ Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта «Концепция "общества знания": сущность и философско-методологические перспективы», осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00307 а).

политику, право, экономику, средства массовой информации – должен принимать во внимание эту экспоненциальную динамику. Даже чисто статистически рано или поздно должен был наступить момент, когда существование науки как института и связанной с ним социальной группы уже нельзя больше игнорировать с точки зрения политики, ее электорального потенциала и т.д. Другое дело, что в самой этой социальной группе был выработан особый этос, распространяющийся в том числе и на отношения с властью. Речь идет о гумбольдтовских принципах университетской автономии и свободы научного поиска, декларирующих дистанцированность от политики. Следование этим принципам обеспечило поступательный рост научных исследований и укрепление социального статуса научного сообщества.

Однако на протяжении XX в. дистанция между наукой и политикой неуклонно сокращалась, что было связано с важными изменениями в содержании и формах научно-технической деятельности и – шире – с изменениями в процессе принятия политических решений, так или иначе связанных с научно-техническим прогрессом.

Это нашло отражение и на теоретическом уровне, в особенности в последние десятилетия XX в., которые были отмечены все более настойчивыми попытками переосмысления устоявшихся представлений о содержании и формах взаимоотношений науки, политики и общества. Были выдвинуты концепции «финализации науки», «постнормальной науки», «науки для политики», нового социального контракта для науки и т. д. Своеобразной теоретической рамкой для этих идей становятся представления об обществе знания.

Общим для всех этих концепций является понимание того, что в современных условиях неотъемлемой частью производства научного знания становятся его социально-политические аспекты, а сам этот процесс должен быть транспарентным и открытым для участия социальных акторов. Фактически речь идет о стирании некогда стабильных демаркационных линий между наукой, системой образования, обществом и политикой, о переструктурировании взаимоотношений между ними, имеющем далеко идущие последствия.

В обобщенном виде этот новый взгляд на изменение взаимоотношений между наукой и политикой можно представить следующим образом. Прежде

всего, здесь обращается внимание на то, что цели научного исследования во все возрастающей степени определяются не внутринаучными, а заданными извне, социальными и политическими целеполаганиями. Производство научного знания осуществляется не столько как поиск основополагающих законов природы, сколько как процесс, увязанный с контекстом применения этого знания, с представлениями о социальных потребностях и потенциальных потребителях.

В организационно-институциональном аспекте данный процесс выражается в возникновении «своеобразных гибридных сообществ», т.е. «организационных структур, в которых ученые, политики, администраторы и представители промышленности и других групп интересов непосредственно взаимодействуют, чтобы определить проблему, исследовательскую стратегию и найти решения. Это включает в себя процесс перевода политических целей в технические цели и исследовательские стратегии, связывающий разные дискурсы»ⁱ. Происходит диффузия дискурсов науки, политики и общества, которую в более радикальной версии можно интерпретировать как «сциентификацию политики» и «политизацию науки». В целом этот процесс может быть охарактеризован как возрастающая взаимозависимость социальной и, в частности, политической практики и развития науки.

При этом контроль и критерии качества научного исследования не ограничиваются рамками одной из научных дисциплин и присущих ей форм экспертной оценки, но определяются вытекающими из контекста применения социальными, политическими и экономическими критериями. По сути дела научное исследование сталкивается с задачей социальной и даже политической легитимации его результатов. Оно все сильнее стремится учесть социальные ценности, политические цели, а также все возрастающее влияние средств массовой информации. Фактически речь здесь идет о процессе социального обучения, в который вовлечены представители научного сообщества, заинтересованных общественных групп, политики и представители власти.

Следует, однако, отметить, что указанные процессы получают пока преимущественное описание с точки самой науки, тогда как последствия для сферы политики здесь оказываются как бы на втором плане. Между тем эта обратная сторона медали имеет отнюдь не меньшее значение.

Один из существенных аспектов здесь состоит в том, что многие проблемы, ставшие впоследствии политическими, были впервые выявлены и описаны учеными – например, загрязнение окружающей среды вошло в политическую повестку лишь после того, как ученые обнаружили ДДТ в пищевой цепи. Другими словами, наука все больше вовлекается в процесс политического управления, все более значимой становится ее роль в определении проблем, требующих в дальнейшем своего решения. Происходит сциентификация политического дискурса и превращение ряда актуальных научно-технических проблем в предмет политической борьбы.

Однако устойчивое включение научно-технических проблем в сферу политического дискурса является характерным прежде всего для стран, обладающих не только собственным научно-техническим потенциалом и хорошо образованным населением, но также развитыми и стабильными институтами прямой и представительной демократии, независимыми средствами массовой информации, высоким жизненным уровнем. Отсутствие некоторых из этих характеристик, как правило, ведет к тому, что обсуждение научно-технических проблем оказывается на периферии политического процесса. В условиях глобализации могут проявляться и такие интересные эффекты, как трансляция политико-научного дискурса через международные институты, многосторонние переговорные механизмы, международные экономические отношения. При этом следует учитывать, что трансляция дискурсов и формирование политической повестки зачастую происходит в национальных или региональных масштабах (чаще всего - в США и / или в странах Европейского Союза), а затем уже становится предметом активности ученых, общественности и политиков на международном уровне. В качестве примера здесь можно назвать проблематику изменений климата и связанную с этим политическую дискуссию. В случае России политизация данной проблемы произошла не в силу того, что изменения климата стали причиной серьезной обеспокоенности нашего общества, а по причинам внешнего порядка, связанным со спецификой вступления в силу Киотского протокола и особой позицией России в этом процессе. В данном случае российское руководство столкнулось с необходимостью принимать решения в рамках политической повестки, сформулированной на основе чуждого дискурса. Разумеется, российские представители принимали участие во всех стадиях переговорного

процесса по проблемам изменений климата, однако достаточно очевидно, что отнюдь не Россия задавала тон в научных, общественных и политических дискуссиях о глобальном потеплении.

Как было отмечено выше, в современных условиях наука нуждается в социальной легитимации результатов исследований и их практического применения. Однако и сама наука, ее экспертная функция служит легитимации политических решений. Эта легитимирующая роль научной экспертизы по своему значению не уступает собственно научной функции рационализации политических решений. И даже если эксперт последовательно стремится исключить из своих оценок любые политические импликации, он все равно выступает в качестве одного из акторов на политической арене, или, по крайней мере, рекрутируется другими акторами для поддержки их специфических интересов. Использование научной экспертизы политиками и другими группами общества вовлекает науку в принятие политических решений и позволяет ученым утвердиться внутри политических групп. Правда, в демократических индустриально развитых странах это не означает появления экспертократии, поскольку в принципе экспертное знание стало одинаково доступно всем группам в политической системе. В частности, это приводит к растущей конкуренции между экспертами, далеко не всегда обеспечивая большей рационализации политических решений.

В связи с проблематикой экспертизы имеет смысл несколько подробнее остановиться на таком ее направлении как оценка техники. Оценка техники – это особая отрасль междисциплинарных исследований последствий научно-технического развития, ориентированная на обеспечение экспертной поддержки процесса принятия решений в сфере научно-технической политики. Основная идея здесь состоит в том, что наука, научная экспертиза является ключевым элементом системы раннего предупреждения общества, а квалифицированная и упреждающая информация о последствиях научных открытий и технических инноваций может оказать решающее влияние на разработку научно-технической политики. Специфика оценки техники заключается в том, что будучи сферой научной деятельности, она одновременно выступает в качестве инструмента разработки политических решений, связанным с развитием науки и техники.

Институциональное становление оценки техники произошло в 1972 г., когда было создано Бюро по оценке техники Конгресса США. Его главной задачей было предоставление конгрессменам точной и объективной информации о научных открытиях, новых технологиях и последствиях их внедрения, а также о возможных альтернативах в принятии решений.

Бюро по оценке техники при Конгрессе США было весьма крупной организацией с серьезным бюджетом. Исследования велись по таким направлениям как энергетика, транспорт и инфраструктура; промышленность, телекоммуникации и торговля; международная безопасность и освоение космического пространства; образование и человеческие ресурсы; окружающая среда; здоровье населения.

Естественно, что для Бюро по оценке техники чрезвычайно важно было выстроить модель взаимоотношений с главным заказчиком и партнером - Конгрессом США на основе научной объективности и политической нейтральности. Однако фактически это не всегда удавалось, и в ряде случаев Бюро выступало с серьезной критикой решений администрации, например по рейгановской программе «звездных войн». Были у Бюро конфликты и с НАСА, и рядом крупных корпораций. Таким образом, с течением времени стала проявляться институциональная дилемма - с одной стороны, работа Бюро должна была способствовать большей научной обоснованности принятия политических решений, но с другой стороны, в деятельности ОТА происходила определенная политизация науки. Отчасти это послужило одной из причин закрытия Бюро в 1995 г., когда республиканское большинство Сената решило избавиться от организации, которую подозревало в «продемократическом» уклоне.

Парадоксальность решения о закрытии Бюро по оценке техники заключалась в том, что именно в это время по другую сторону Атлантики начался настоящий бум в области оценки техники. Соответствующие организации были созданы при парламентах Германии, Дании, Франции, Великобритании и др. Однако в Европе проявились свои особенности в форме институционализации и методологическом подходе оценки техники. Значительно усилился акцент на обеспечение легитимации политических решений, в первую очередь за счет более широкого участия заинтересованных

групп к экспертной работе, к организации их непосредственного взаимодействия с представителями науки и лицами, принимающими решения.

Еще один важный аспект проблематики взаимосвязи науки, техники и политики связан с технической поддержкой политического процесса, внедрением тех научно-технических достижений, которые позволяют расширить потенциал демократии, сплотить через средства коммуникации существующие социально-политические группы или даже способствовать возникновению новых. Разумеется, в первую очередь речь идет о развитии информационно-коммуникационных технологий, о том масштабе их воздействия, который позволяет говорить о становлении информационного общества или даже об обществе знания.

Томасу Джефферсону принадлежит крылатая фраза: «Информация – валюта демократии». Автор американской Декларации независимости подчеркивал значение информационной открытости для эффективного функционирования демократических институтов. Он, разумеется, не имел в виду технологический аспект взаимосвязи информации и демократии. Однако современные дискуссии об информационном обществе и электронной демократии в значительной степени посвящены именно этому технологическому аспекту. По сути дела, фундаментальной проблемой, стоящей за всеми дебатами о влиянии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на демократию как институциональную систему и политический процесс, является проблема воздействия на сферу политических отношений неполитического по своей природе феномена. В конечном счете, вопрос состоит в том, способно ли техническое преобразовывать политическое, и если – да, то до какой степени?

Но если продолжить «монетарную» метафору Джефферсона, то акт передачи информации можно трактовать как платеж, а совокупность коммуникативных актов – как систему платежей, функционирование которой может иметь самые разные последствия – от процветания до дефолта. Именно эта принципиальная открытость, «непредрешенность» коммуникативных процессов и позволяет сохранять интригу в длящемся не одно десятилетие споре о влиянии ИКТ на общество и политику.

Строго говоря, любая социальная система является коммуникативной, основанной на передаче и использовании информации. Однако это общее

соображение не должно маскировать феномен нарастающей взаимозависимости социально-политических трансформаций и развития технологий информации и коммуникации. В исторической ретроспективе едва ли можно считать простым совпадением уже создание и испытание такой коммуникационной технологии, как телеграф, состоявшееся в переломный год Великой французской революции (1794). Превратившись в своеобразный жизненный нерв индустриального общества, телеграф стал и одним из ключевых элементов, приобретение контроля над которым способствовало захвату и удержанию власти. Позднее эта роль перешла к первым средствам массовой информации - радио и телевидению. Многие участники дискуссий об информационном обществе обращали внимание на первоначальный централизующий эффект этих технологий. Как отмечает Ф. Закария, «предыдущая крупная революция в информационной сфере 1920-х годов, связанная с повсеместным распространением радио, телевидения, кино и (уличных) репродукторов, оказала централизующее действие. Отдельные люди и группы, располагающие доступом к соответствующей технологии, получили возможность обращаться ко всему остальному обществу»ⁱⁱ. Вместе с тем дальнейшее развитие этих технологий постепенно стало играть и противоположную роль, способствуя распространению плюрализма и расширению доступа к информации, даже несмотря на все попытки его ограничить или контролировать.

Хотя начало дискуссий об информационном обществе и обществе знания относится к 1960-м годам, сам феномен усиливающейся взаимозависимости процессов модернизации и развития ИКТ, разумеется, не ограничивается этим временным горизонтом. Не будет лишним напомнить, что исследования Ф. Махлупаⁱⁱⁱ, выводы которых послужили базой для концептуализации информационного общества, начались еще в 1930-х годах. Но в 1960-е годы синергия научно-технического прогресса и социальных изменений породила новые, чрезвычайно значимые эффекты.

К началу 1960-х годов в индустриально развитых странах в завершающую стадию вступил важнейший социальный сдвиг: количество квалифицированных специалистов и менеджеров (“белых воротничков”) начало превышать количество индустриальных рабочих^{iv}. Тогда же прогресс компьютерной техники и совершенствование средств передачи информации привели к их конвергенции в информационно-коммуникационную технологию,

а в 1969 г. были сделаны первые шаги в развитии сетей компьютерной коммуникации, результатом которых впоследствии стало появление Интернета. На широком использовании информационных технологий базировалось и развитие новых гибких систем производства – т. н. “пост-фордизм”. Принципиально нового уровня достигло и политическое влияние средств массовой информации: в президентской избирательной кампании 1960 г. в США впервые решающую роль сыграло телевидение, и, прежде всего, телетрансляция дебатов между Дж. Ф. Кеннеди и Р. Никсоном.

1960-е годы были ознаменованы подъемом новых социальных движений и протестных выступлений, который привел к серьезным изменениям в политике и общественном сознании. Появление новых социальных движений было лишь в ограниченной степени связано с традиционными классовыми антагонизмами индустриальной эпохи. Как писал А. Турен, «по мере того, как мы входим в постиндустриальное общество, общественные движения могут развиваться независимо от политических действий, имеющих в виду прямой захват государственной власти... Новые общественные движения формируются ... не посредством политического действия и столкновения, а скорее влияя на общественное мнение»^v. Выход этих движений на арену общественной жизни явился свидетельством растущей неудовлетворенности традиционными политическими институтами и субъектами, а также расширения круга проблем, которые прежде оставались вне поля зрения институциональной политики. В США это были движение за гражданские права, приведшее к радикальному сдвигу в преодолении расового неравенства, массовые протесты против войны во Вьетнаме, студенческие и феминистские выступления, экологическое движение. В странах Западной Европы кульминационным пунктом стали студенческие протесты 1968 г. В совокупности эти события привели к изменению мировоззрения и ценностных ориентиров, к формированию сферы неинституциональной политики^{vi} и выходу на арену нового поколения общественных деятелей, более открытых и к обсуждению принципиально новых проблем. Благодаря возможностям СМИ в странах Запада значительно возросло политическое воздействие публичных дискуссий, развертывание которых было неременным спутником движений 1960-х годов. Политизация проблем, ранее остававшихся вне сферы политической борьбы, прямое обращение к общественному мнению, не опосредованное традиционными

политическими институтами и практиками, развитие культуры политических дебатов способствовали сдвигу в сторону делиберативной, или коммуникативной демократии, в рамках которой диалог и взаимопонимание по важности опережают прагматическое решение проблем^{vii}.

Однако происшедшая в 1960-х годах синергия прогресса информационно-коммуникационных технологий и социально-политических изменений выдвинула на первый план феномен информации / знания не только как основы постиндустриальной экономики (Дракер^{viii}) или главной производительной силы эпохи постмодерна (Лиотар^{ix}), но и как мощного трансформирующего фактора в коммуникативной системе «политики - эксперты - гражданское общество». В итоге, за два последующих десятилетия произошла парадоксальная перемена, заключающаяся в том, что будущее все чаще стало получать описание в терминах риска, а не прогресса^x. Причем едва ли не в первую очередь это может быть отнесено к дискуссиям о будущем в западных обществах, привыкших к политической стабильности и высокому уровню социальной защищенности.

И здесь мы подходим к одной из точек сопряжения различных трактовок процессов модернизации, в том числе, теорий постиндустриального общества, информационного общества, общества знания, общества риска, представлений о постнормальной или о постнеклассической науке и т.д. Во всяком случае, общество знания или глобальное информационное общество XXI века с полным основанием можно рассматривать в качестве общества политического риска. Это тот контекст, в котором имеет смысл обсуждать дальнейшие перспективы демократии как институциональной системы и как политического процесса. И в этом же контексте целесообразно анализировать перспективы нового скачка в развитии ИКТ.

В конце первого десятилетия XXI века мы стоим на пороге нового технологического прорыва, основным содержанием которого должны стать фундаментальная деиерархизация, индивидуализация и конвергенция различных ИКТ^{xi}. Причем происходить это будет в условиях явного спада «третьей волны демократизации» (даже если ее последними «брызгами» считать «цветные революции» на постсоветском пространстве). Деиерархизация, индивидуализация и конвергенция ИКТ создают беспрецедентную угрозу традиционным формам информационно-

политического мейнстрима. В этом заключается фундаментальный вызов для всех типов политических систем, включая и современные демократии. Конечно, наиболее уязвимыми являются те формы политического господства, которые основаны на большей степени ограничения и прямого контроля информационных потоков. Но и у либеральной демократии нет никакой «охранной грамоты» хотя бы потому, что информационный мейнстрим, предполагающий и важные самоограничения (например, «политическую корректность»), играет очень большую роль в стабилизации демократических систем.

В качестве средства политической мобилизации Интернет и другие ИКТ могут быть использованы самыми разными силами, в том числе и теми, кто отвергает ценности либеральной демократии. Деиерархизация и «размывание» мейнстрима способны облегчить консолидацию и координацию этих сил. Надо отдавать себе отчет и в том, каков будет уже в ближайшее десятилетие портрет «среднего» пользователя, разрушающего иерархию и мейнстрим: это молодой человек, появившийся на свет уже в эпоху «развитого Интернета», не белый, не христианин, для которого английский язык не является родным. Выравнивание возможностей в «плоском мире», о котором так вдохновенно пишет Т. Фридман^{xii}, на поверку оказывается демонтажем последних преград глобальной коммуникации риска. Все, что прежде сдерживалось, с одной стороны, традиционной культурой и отставанием в технологическом развитии, а с другой стороны - тотальным информационным доминированием западной цивилизации, теперь с каждым годом (если не с каждым днем) будет наполнять и преобразовывать сетевой контент.

Тезис немецкого исследователя Г. Бехманна о том, что «Интернет есть общество»^{xiii}, может показаться слишком сильным. Но Интернет, несомненно, является пространством социальной коммуникации, в частности, коммуникации риска. А это значит, что социальные и политические трансформации во все большей степени переносятся в киберпространство. И, соответственно, извечная «Гоббсова проблема» достижения социального порядка в условиях взаимодействия множества индивидов, имеющих разнонаправленные интересы, становится проблемой сетевой коммуникации. В любом случае новый скачок в развитии ИКТ станет еще одной – и, может быть, на сей раз решающей – проверкой пророчеств технологических оптимистов, увязывающих с очередным

расширением технических возможностей человечества окончательный прорыв в царство свободы, демократии и прав человека. Но равным образом проверке подвергнется и противоположная позиция, рассматривающая культуру в качестве мощнейшей детерминанты политических процессов, влияние которой может быть усилено или ослаблено, но не подменено действием научно-технических факторов.

ⁱ Вайнгарт П. Отношение между наукой и техникой: социологическое объяснение // Философия техники в ФРГ. - М.: Прогресс, 1989.

ⁱⁱ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. - М.: Ладомир, 2004 - С. 3.

ⁱⁱⁱ Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. – Princeton: Princeton University Press, 1962.

^{iv} Нейсбит Дж. Мегатренды. - М.: ООО “Издательство АСТ”, 2003 - С. 23.

^v Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. - М.: Научный мир. 1998 - С. 164.

^{vi} Luke T. W. Class Contradictions and Social Cleavages in Informationalising Post-Industrial Societies: On the Rise of New Social Movements - New Political Science - 1989 - No. 16-17 – P.127.

^{vii} Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие - СПб: Наука. 2000 - С. 90-92.

^{viii} См.: Drucker P. The Age of Discontinuity – L.: Heinemann, 1969.

^{ix} Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна – М.- СПб: Институт экспериментальной социологии – Издательство «Алетейя», 1998 - С. 5.

^x Kaufmann F.-X. Der Ruf nach Verantwortung. Risiko und Ethik in einer unüberschaubaren Welt. - Freiburg – Basel – Wien: Herder, 1992 – S. 14.

^{xi} См. : Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication, 2007, No. 1.

^{xii} Согласно Фридману, обусловленное прогрессом ИКТ «выравнивание мира означает, что сегодня происходит соединение всех мировых центров знания в единую глобальную сеть, которая – если не вмешаются политика и терроризм – способна стать первым вестником эпохи невиданного процветания и обновления» (Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI века – М.: АСТ: АСТ-МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006 – С. 13).

^{xiii} Бехманн Г. Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука, 2008, № 2 - М.: ИНИОН РАН, 2008.